

**Спорные ситуации в делопроизводстве по заявкам на изобретения
Ерхов С.М., Линник Л.Н., Розмирович С.Д., Сергеев А.В.,
Спешков Б.А., Тимофеенко Л.П., Ткаченко А.И.**

Сведения об авторах:

Ерхов Сергей Михайлович – изобретатель-патентообладатель,
предприниматель,

Линник Лев Николаевич – экс-патентный поверенный, изобретатель,
предприниматель,

Розмирович Станислав Дмитриевич, изобретатель-патентообладатель,
Сергеев Андрей Викторович – российский и евразийский патентный
поверенный,

Спешков Борис Аркадьевич – изобретатель-патентообладатель,
Тимофеенко Леонид Петрович – украинский патентный поверенный,
изобретатель,

Ткаченко Александр Иванович - изобретатель-патентообладатель,
предприниматель

В делопроизводстве по заявкам на изобретения всегда возникали спорные ситуации, однако в настоящее время они приобрели в ряде случаев дополнительный оттенок, обусловленный конкурентными рыночными отношениями. Эти отношения, в частности, проявляются в том, что в делопроизводстве по некоторым заявкам [1,2,3,4,5] экспертиза в целях обоснования отказа в выдаче патента использует целый «букет» методов и приемов из арсенала так называемых «грязных экспертных технологий» (далее ГЭТ), разрабатываемых и внедряемых в ФИПС Роспатента недобросовестными специалистами, которые заключаются в следующем.

По мнению ряда специалистов, определить ГЭТ можно как **совокупность субъективно-ориентированных методов и приемов**, используемых недобросовестными экспертами на основе злоупотребления недостатками нормативных патентных документов или упущениями в организации и контроле делопроизводства по заявкам, для субъективного влияния экспертов на возможность выдачи или отказа, а также на качество и объемы прав выдаваемых ими патентов. Цель ГЭТ не только в их использовании для **доминирования в конкурентном взаимодействии экспертов** на рынке патентных услуг. Не менее важная цель ГЭТ - **являться эффективным средством для регулирования, управления или иного вмешательства в выдачу, отказ, расширение или ограничение объемов предоставляемых исключительных прав охранных документов**, регулирующих перераспределение больших финансовых потоков от одного

конкурирующего собственника к другому. При этом некоторые известные сотрудники Роспатента не только не дистанцируются от ГЭТ и от участия в конкурентном взаимодействии заявителей, патентообладателей и не защищенных охранными документами предпринимателей, но и публично оправдывают и декларируют целесообразность участия в таком взаимодействии. **Меркантильный интерес** в таком участии и в создании средств ГЭТ очевиден, в чем убеждает делопроизводство по заявкам [1,2,3,4,5].

Наиболее **распространенными методами и приемами ГЭТ являются**: злоупотребление экспертизой своими правами и возможностями в отношении толкования вопреки интересам заявителя положений нормативных патентных документов и особенностей испрошенных притязаний [1,2]; бюрократическая волокита делопроизводства по заявкам и чрезмерная затяжка сроков их рассмотрения [1,5], либо, напротив, проявление злостной поспешности с подготовкой отрицательного решения и нарушение при этом общепринятых установок делопроизводства, в связи с исключением возможности из-за поспешного отказа у заявителя ответить на неправомерные казуистические выводы экспертизы [2,3]; направление заявителю неоправданно большого количества запросов на основе «симуляции непонимания» экспертами существа заявки и вымогательство у него конфиденциальной или явно избыточной для целей принятия решения информации [4,5]; игнорирование или «замалчивание» в переписке доводов заявителя или искаженная их трактовка; мошеннические манипуляции с испрошенными притязаниями и заявленными признаками в широком диапазоне целей от преднамеренного неправомерного исключения признаков из рассмотрения, например, путем признания их неидентифицируемыми [4,6], до изыскания мотивов для отказа в выдаче патентов, в частности, путем искусственного выявления диапазонов значений признаков некорректных для практического применения и, вместо исключения их из рассмотрения, злоупотребления этими выявленными диапазонами для аргументации не соответствия условию «промышленная применимость» [2]; наконец серия изощренных приемов служебного подлога, который при обосновании не соответствия заявленных предложений условиям охраноспособности приобретает часто групповой характер [3,4], и др.

Особую остроту спорные ситуации приобретают по заявкам на зонтичные патенты [7], которые возникали даже в делопроизводстве по международным [6] и евразийским [8] заявкам. Следует обратить внимание также на случаи, когда патентные споры привлекали внимание широкой общественности и средств массовой информации, например, когда они

базировались на патентах, полученных с использованием высоких или криминальных технологий [9]. Кроме того, подтвердилось мнение ряда специалистов, что, несмотря на появление нескольких публикаций по зонтичному патентованию, конструктивной дискуссии по поднятым вопросам [7] на страницах специализированной печати пока не получилось, в связи с чем дискуссионные вопросы приходится решать специалистам в процессах делопроизводства по конкретным зонтичным заявкам. Публичная дискуссия по особенностям подготовки, прохождения через экспертизу и использования зонтичных патентов необходима, в частности, в связи с тем, что в настоящее время сформировался уже значительный контингент заявителей, крайне недовольных явно недобросовестными и субъективно-ориентированными действиями ряда экспертов, использующих все доступные им методы волокиты и приемы патентно-методологической казуистики для создания всяческих помех в получении зонтичных патентов, направленных на защиту серьезных коммерческих интересов. Следует отметить также открытое блокирование неугодных Роспатенту публикаций по зонтичному патентованию в изданиях и докладов на конференциях, которые курируют его специалисты.

Необычная спорная ситуация возникла в делопроизводстве по евразийской зонтичной заявке украинского заявителя, по инициативе которого она была детально рассмотрена на международной конференции [8], и вызвала интерес не только украинских, но и у участников конференции из других государств. В формулу изобретения евразийской заявки №199901054 помимо нескольких пунктов, защищающих оптимальные диапазоны способа изоляции и упрочнения строительных конструкций и композиции “СИЛОР” для его осуществления [8], были включены в качестве независимых два зонтичных пункта, существенно расширяющих объемы испрашиваемой патентной охраны заявленных объектов. В процессе делопроизводства с экспертом, ведущим заявку, в порядке ответа заявителя на запрос экспертизы и проведенного экспертного совещания были сняты многочисленные возникшие вопросы, и была согласована формула изобретения, содержащая зонтичные пункты и практически не сужающая объемы первоначально испрашенных прав. В итоге заявителем было получено уведомление от 14.11.2000г. Евразийского патентного ведомства о готовности выдать патент, согласие с которым было зафиксировано оплатой и зачетом пошлины за выполнение формальных последующих этапов делопроизводства и оформление охранной грамоты патента.

Однако неожиданно для заявителя патентным ведомством было принято решение отозвать полученное уведомление о готовности выдать

патент и было отправлено 26.01.2001г. уведомление о необходимости представления дополнительных материалов [8], в котором сообщалось, что «при повторном рассмотрении материалов заявки коллегией экспертов обнаружен ряд недостатков, препятствующих выдаче Евразийского патента на данное техническое решение с формулой изобретения, представленной заявителем. Пошлина за выдачу и публикацию патента может быть возвращена по просьбе заявителя.» Эти недостатки экспертиза аргументировала в основном недостаточностью информации для понимания сущности двух зонтичных пунктов, целесообразностью исправления некоторых мелких погрешностей, и в результате предложила для выдачи патента вариант формулы изобретения, в котором были исключены все зонтичные пункты [8].

Неординарная ситуация с отзывом положительного решения по заявке обусловила «настороженность» специалистов заявителя и других заинтересованных лиц, часть из которых расценила действия экспертизы как субъективно-ориентированные, недостаточно обоснованные или даже недобросовестные. В частности, некоторые юристы усмотрели в делопроизводстве по данной заявке грубое нарушение общепринятых международных норм, согласно которым действующие законодательства не предусматривают ситуаций, по которым, в частности, патентное ведомство может само по своей инициативе отменить принятое им же решение, тем более вопреки позиции заявителя и после фиксации этого решения согласием с ним заявителя и оплаченной им пошлиной за выдачу патента. Некоторые националистически настроенные заинтересованные лица вообще усмотрели в этой ситуации попытку оказать давление на украинских заявителей в связи с «задержкой» ратификации украинской стороной Евразийской патентной конвенции. Тем не менее данная спорная ситуация благополучно завершилась после представления заявителем дополнительных материалов и разъяснений, снявших все вопросы экспертизы [7], и по заявке был выдан патент с первоначально испрошенным объемом притязаний.

Однако благополучно завершаются не все спорные ситуации, что целесообразно проиллюстрировать отражением основных аспектов злоупотреблений экспертизы, осуществленных в спорных ситуациях делопроизводства по заявкам [1,2,3,4,5,6]. Рекордной из рассмотренных в отношении бюрократической волокиты и длительности сроков рассмотрения является заявка [1], по которой изобретатель свыше семи лет уже на стадии судебного делопроизводства добивается выдачи патента на его изобретение. Отказ в выдаче патента был основан на явных злоупотреблениях своими

правами и возможностями экспертом ФИПС, который неправомерно привлек для подготовки отрицательного решения операцию «усреднения яркости пикселей», которой не было в первоначально заявленном способе. Игнорируя широкие диапазоны очевидной реализуемости изобретения, эксперт мошеннически аргументировал отсутствие его промышленной применимости использованием неправомерно привлеченной операции «усреднения» для подавления полезного сигнала в искусственно выбранных диапазонах реализации, и вдобавок вопреки интересам заявителя трактуя и искажая возможности дифференцирования полезного сигнала. Однако, как ни странно, неправомерную позицию экспертизы поддержали в Апелляционной и Высшей патентной палатах, а также в районном и Московском городском судах, игнорируя позицию имеющих гораздо более высокую квалификацию в области защищаемого изобретения, чем у представителей принимающей решение стороны, и истца и приглашенных для экспертизы специалистов. Судебное заседание по иску [1] в Мосгорсуде, на которое были одновременно приглашены участники нескольких абсолютно разнородных делопроизводств, представляло вообще из себя странный недостойный цивилизованного общества судебный спринт и фарс, продолжавшийся около 10 минут на каждое делопроизводство. Председательствовавшая судья, к удивлению присутствующих, зная о болезни истца [1], постоянно нервно покрикивала на него и торопила больного изобретателя, который после перенесенной тяжелой болезни с трудом и медленно произносил слова.

К числу уникальных, направленных заявителю с использованием ГЭТ, запросов по их разовому объему, обусловивших остроту спорной ситуации, можно отнести делопроизводство по заявке [2], по которой эксперт подготовила запрос на 15 страницах, примерно в два раза превышающий по объему материалы самой заявки. В этом запросе эксперт, в частности, пространно «муссировала» такие «непонятные» для нее вопросы как употребление знака \leq вместо \leq , уделив только ему больше страницы текста. Однако основные свои усилия в запросе эксперт приложила для преднамеренного нарушения пункта 19.4.(2) «При проверке формулы изобретения устанавливается наличие в ней существенных признаков заявленного изобретения, совокупность которых достаточна для получения указанного заявителем технического результата». Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на изобретение (далее Правила). Вопреки требованию указанного пункта Правил эксперт не только не попыталась установить наличие в формуле существенных признаков заявленного изобретения и диапазонов их значений, совокупность которых достаточна для получения указанного заявителем технического результата, а

напротив [2] «приложила «титанические усилия», злоупотребляя искажением **содержательного, технического и правового смысла** испрошенных притязаний, чтобы изыскать несущественные значения диапазонов и признаки, которые не обеспечивают достигаемого результата [2]. Вместо того, чтобы предложить заявителю исключить из формулы «выявленные» ею несущественные признаки или диапазоны значений существенных признаков, в которых заявленные объекты промышленно не применимы, эксперт с предвзятой поспешностью злоупотребила своими правами и поторопилась подготовить отрицательное решение. При этом эксперт единолично необоснованно отклонила просьбу заявителя рассмотреть явно неправомерные и предвзятые ее действия «с участием специалистов ОПС (методологии) и ОКАДИ ФИПС» [2].

Таким образом, грубейшим нарушением экспертом нормативных документов является использованная ею в [2] методика, а именно: неидентифицируемые, несущественные или ошибочно включенные в формулу изобретения признаки, а в случае заявленных объектов это даже не признаки, а всего лишь отдельные неидентифицируемые, несущественные или ошибочно включенные значения или диапазоны значений параметров признаков, не исключать их из рассмотрения для выявления охраноспособного решения, а «выпячивать» их и, «спекулируя» только фактом возможного их существования наряду с промышленно применимыми, аргументировать свое отрицательное решение. То есть эксперт при явном наличии в заявленных объектах технически реализуемых и промышленно применимых решений преднамеренно проигнорировала их наличие, категорически **«не замечая»** приведенных в описании **примеров практической реализации** заявленного способа и устройства. В то же время, вместо добросовестного и доброжелательного отношения к заявленному предложению, все свои интеллектуальные силы и возможности эксперт направила на искусственное неправомерное преобразование признаков для того, чтобы на основании этих преобразований выявить какие-то нереализуемые значения параметров, и на основании формально изысканных им, таким образом, значений сделать абсурдный вывод о промышленной неприменимости заявленных объектов.

При этом также следует обратить внимание, что занятая экспертом позиция, которая ей «позволила сделать вывод о несоответствии группы заявленных изобретений условию «промышленная применимость» **сделала абсурдной оплаченную заявителем услугу** по проведению экспертом информационного поиска. В соответствии со статьей 21 Патентного закона РФ проведение информационного поиска необходимо «для определения

уровня техники, в сравнении с которым будет осуществляться оценка новизны и изобретательского уровня заявленного предложения». Заявитель заключил договор с участием эксперта и согласился считать принятой эту работу, еще не зная доводов эксперта о промышленной неприменимости заявленного предложения, которые делают работу по договору напрасной и бессмысленной, так как при выводе о промышленной неприменимости оценка новизны и изобретательского уровня заявленного предложения не проводится. В делопроизводстве заявитель отмечает, что, несмотря на существенные недостатки отчета об информационном поиске, он дал **указание** своему представителю **подписать акт его сдачи-приемки**, считая, как и большинство заявителей, **тариф за ускоренный информационный поиск только «побором»** за ускорение слишком длинных существующих сроков рассмотрения заявок, для сокращения которых не принимается других эффективных мер [2]. Учитывая это, заявитель пока безрезультатно потребовал считать отозванным акт сдачи-приемки работы и расторгнутым договор по заявке на проведение по ней информационного поиска, а также возместить понесенные убытки на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.94 N 7 (ред. от 17.01.97): «15. Под существенными недостатками в выполненной работе (оказанной услуге) и иными отступлениями от условий договора, дающими потребителю в соответствии с п. 1 ст. 29 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" право расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков, следует понимать такие недостатки, которые делают невозможным или недопустимым использование результата работы (услуги) в соответствии с ее целевым назначением». Кроме того, заявитель указал, что **считает** возможным квалифицировать действия эксперта по оказанию ему ненужной услуги по договору по заявке о проведении по ней информационного поиска в соответствии со статьей 159 "УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" **мошенничеством** и считает необходимым **взыскать с эксперта полученное мошенническим путем вознаграждение** за выполнение бесцельных работ по этому договору [2].

В числе уникальных, направленных заявителю с использованием ГЭТ, запросов по количеству заданных вопросов можно отнести делопроизводство по заявке [4], по которой заявитель насчитал в общем около 80 вопросов, включая не только прямые, но и связанные с прямыми косвенные вопросы. Обилие надуманных вопросов эксперта на основе очевидной гипертрофированной «симуляции» непонимания привело к существенной задержке делопроизводства по заявке, а также предопределило мнение

заявителя об искусственно созданной спорной ситуации и субъективно-ориентированном отношении эксперта к нему [4].

Мошенническое неправомерное толкование и искажение существенных признаков формулы изобретения, по мнению заявителей [1,2,3,4,6], дало повод экспертизе пойти на **такой из использованных ею многочисленных приемов ГЭТ, как служебный подлог**. Сущность осуществленного экспертизой **служебного подлога**, по мнению заявителей [1,2,3], заключается в обосновании отсутствия промышленной применимости заявленных объектов путем **неправомерного игнорирования очевидных диапазонов их промышленной применимости** и использования **мошеннического изыскания некорректных технически абсурдных значений** существенных признаков для обоснования отрицательного решения. По мнению заявителей [4,6], сущность осуществленного экспертизой **служебного подлога**, заключается, в частности, в неправомерном толковании и искажении заявленных притязаний для признания существенных признаков не идентифицируемыми и **мошеннического** исключения их из рассмотрения в целях **абсурдного** декларирования отсутствия новизны заявленных объектов.

Делопроизводство по [6] показывает, что ГЭТ применяются, в частности, и на стадии международной предварительной экспертизы. Заявитель [6] был поставлен полученным запросом в крайне неблагоприятное положение на этапе истечения сроков для перехода на национальные и региональные патенты и **оказался в жестком цейтноте** в отношении подготовки ответов на доводы экспертизы. Это было обусловлено тем, что экспертиза преднамеренно только **за 13 дней до истечения в соответствии с нормативными документами сроков** подготовки заключения международной предварительной экспертизы направила заявителю предельно сложный и объемистый по содержанию свой запрос по заявке. Затем эксперт ответила отказом снять возникшие у нее вопросы оперативно на переговорах или экспертном совещании по заявке и со злостной поспешностью подготовила отрицательное заключение международной предварительной экспертизы [6]. Это заключение, по мнению заявителя, основано на **субъективных предвзятых доводах эксперта**, и при этом очевидной оказалась своеобразная «конкуренция» мнений эксперта из отдела международной предварительной экспертизы и эксперта по заявке из отраслевого отдела ФИПС, выдавшего на те же заявленные объекты российский патент №.2132876.

Эксперт в подготовленном заключении международной предварительной экспертизы [6] построила отрицание новизны, используя, по мнению заявителя, абсурдную в отношении правомерности, разработанную ею «оригинальную» методику, заключающуюся в совершении следующей последовательности операций:

а) нахождение отдельных фрагментов известной информации, сходных по содержательному смыслу отдельным признакам заявленных объектов, в частности, в виде локальных значений некоторых параметров, имеющих отношение к заявленным признакам;

б) искусственное разбиение, без всякого обоснования, предложенной совокупности, неразрывных и взаимосвязанных условием достижения технического результата, признаков на отдельные автономные признаки;

в) совершение над каждым из выделенных таким образом признаков искусственных многоступенчатых математических преобразований, без всякого учета того, что при этом искажается содержательный, технический и правовой смысл первоначально заявленных притязаний;

г) подгонка к «удобному» (термин многократно использован экспертом в заключении [6]) для эксперта виду заявленных математических соотношений и/или смыслового содержания заявленных признаков под найденные экспертом фрагменты информации;

д) бездоказательное исключение из рассмотрения «неудобных» (по которым не найдены мало-мальски подходящие фрагменты известной информации), очевидных для понимания специалистом средней квалификации, признаков под надуманным «от лукавого» доводом относительно их неясности для эксперта;

е) сопоставление известных, по мнению, эксперта (естественно, без цитирования содержания известных источников) конкретных значений параметров с искусственно подогнанным диапазоном значений избыточно широко заявленных параметров;

ж) вывод об отсутствии новизны каждого в отдельности, из не исключенных из рассмотрения, заявленных признаков на основании заключения, что известные конкретные значения параметров попадают в избыточно широко заявленные диапазоны значений подогнанных «для удобства» сопоставления параметров, со злостным искажением при этом толкования постулата «частное решение порочит новизну общего» [6].

Явно выраженный **недобросовестный характер ведения делопроизводства** по заявкам [2,3,4,6], по мнению их заявителей, и использованные экспертизой многочисленные вышеописанные методы и приемы ГЭТ дают возможность считать действия экспертизы **«престимулированными» конкурентами заявителей или разновидностью скрытого вымогательства взятки.** Кроме того, заявителям стало известно, что специалисты, участвовавшие в рассмотрении заявок [2,3,4], помимо использования ГЭТ, проявили очередную **недобросовестность** в отношении давления, шантажа и клеветы на сопровождавшего данные заявку их представителя, в частности, вымышленно обвиняя его в каких-то мнимых угрозах в связи с осуществляемым делопроизводством. Представителя этих заявителей вызывали в службу безопасности Роспатента и требовали объяснений по поводу выдвинутых абсурдных письменных клеветнических измышлений. Обращаясь в [2,3,4] к руководству Роспатента с просьбой **оградить своего представителя от клеветы и недобросовестных действий со стороны экспертизы**, заявители отметили, что ни от них, ни от его представителя никому никакой реальной угрозы в отношении каких-либо неправовых действий не поступало и не существует.

Однако спорные ситуации возникают не только в делопроизводстве с заявителями, но в последнее время и в отношениях с патентными поверенными, что обусловлено существенно возросшей экспансией в сферу патентного обслуживания экспертов, имеющих доминирующие возможности для их недобросовестной конкуренции и дискредитации различными методами и приемами патентных поверенных перед заказчиками патентных услуг как в делопроизводстве по заявкам, так, например, и в различных публикациях, в частности, [10]. По мнению ряда изобретателей, патентных поверенных, патентообладателей и других специалистов в отношении основных аспектов статьи [10] ее автор, помимо сведения личных «счетов» с оппозиционным ему патентным поверенным, ратует за целесообразность антиконституционных ограничений на изобретательскую деятельность патентных поверенных и декларирует предвзято запретительный вид вместо существующего рекомендательного характера ограничений их финансовых интересов, а также в замаскированном виде пропагандирует законодательное закрепление расширенного контингента поставщиков патентных услуг в область коммерческого обслуживания ими потребителей. Демагогически проявляя заботу о «чистоте рук» и этике и дискредитируя в доступном всему миру престижном российском журнале российских патентных поверенных, в частности, в глазах мировой общественности и зарубежных патентных

поверенных, автор статьи [10] публично продемонстрировал этический уровень и «чистоту рук» экспертов в их конкурентном взаимодействии с патентными поверенными на рынке патентных услуг.

В заключение приходится констатировать, что пока не будут практически реализованы эффективные меры по предотвращению проникновения экспертов на рынок патентных услуг, в частности, путем существенного повышения зарплаты специалистов Роспатента, подобная [10] «забота» их (в смысле дискредитации конкурентов) об этике патентных поверенных будет продолжаться, а методы ГЭТ будут становиться все более изощренными.

Использованные источники:

1. Спешков Б.А., Щуклин В.П. Заявка РФ № 94032456 от 07.09.1994г. на «Способ обнаружения подводных движущихся объектов».
2. Розмирович С.Д. Заявка РФ № 94032456 от 19.07.2000г. на «Способ изменения теплового режима в ограниченном объеме и устройство для его осуществления».
3. Кириллов В.А. Заявка РФ № 2000120589 от 09.08.2000г. на «Способ изменения энергосодержания паро - жидкостно-газовой смеси и устройство для осуществления способа».
4. Ткаченко А.И., Волошин В.П., Гридин Н.И., Заявка РФ №2000101269 от 21.01.2000г. на «Способ и устройство для расфасовки сыпучих продуктов в эластичную тару».
5. Абрамов Т.И. Мигиров И.Н. Заявка РФ №99117796 от 20.08.1999г. на «Сушеные хлебные изделия и способ их изготовления».
6. Ерхов С.М. Международная заявка №PCT/RU/99/00306 с конвенционным приоритетом 13.10.1998г. на «Биологически активное вещество, сырье и способ для его получения».
7. Л.Н.Линник. «Особенности создания зонтичных патентов на изобретения». Интеллектуальная собственность, №5, 2000г.
8. Веселовский Р.А., Линник Л.Н., Любинский Р.Я., Тимофеев Л.П. 5-я Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы охраны интеллектуальной собственности», 03.09-07.09.2001г., Крым-2001 г. Алушта – сборник докладов, Опыт делопроизводства по евразийской зонтичной заявке украинского заявителя», с.90-94.
9. Линник Л.Н. «Высокие и криминальные патентные технологии и возможности злоупотребления ими в патентных спорах». Интеллектуальная собственность, №2, 2001г.

10. Ревинский О.В. «Этические нормы в работе патентных поверенных». Патенты и лицензии, №6, 2001г.